

Г. Х. АНДЕРСЕН

ДЮЙМОВОЧКА

СКАЗКИ

Иллюстрации Ники Гольц

#эксмодетство

Москва
2018

УДК 821.113.4-34-053.2
ББК 84(4Дан)-44
А65

Андерсен, Ганс Христиан.

А65 Дюймовочка : сказки / Ганс Христиан Ан-
дерсен ; [пер. с дат. Анны и Петра Ганзен] ;
ил. Ники Гольц. — Москва : Эксмо, 2018. —
192 с. : ил. — (Правильное чтение).

УДК 821.113.4-34-053.2
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-094394-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ

Видали ли вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и весь изукрашенный резьбой в виде разных завитушек, цветов и листьев? Такой вот точно шкаф — наследство после прабабушки — и стоял в комнате. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми причудливыми завитушками. Между ними высовывались маленькие оленьи головы с ветвистыми рогами, а по

самой середине был вырезан целый человек. На него невозможно было глядеть без смеха, да и сам он преуморительно скалил зубы — такую гримасу уж никак не назовёшь улыбкой! У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног! Трудно выговорить такое имя, и немногие устаиваются подобного титула, зато и вырезать такую фигуру стоило немало труда. Ну, да всё-таки вырезали! Он вечно глядел на подзеркальный столик, где стояла прелестная фарфоровая пастушка. Башмачки на ней были вызолоченные, платьице слегка приподнято и подколото алой розой, на головке красовалась золотая шляпа, а в руках пастуший посох. Ну, просто прелесть! Рядом с нею стоял маленький трубочист, чёрный как уголь, но, впрочем, тоже из фарфора и сам по себе такой же чистенький и ми-

ленький, как всякая фарфоровая статуэтка; он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать из него принца — всё равно!

Он премило держал в руках свою лестницу; личико у него было белое, а щёки розовые, как у барышни, и это было немножко неправильно, следовало бы ему быть почернее. Он стоял рядом с пастушкой — так их поставили, так они и стояли; стояли, стояли, да и обручились: они были отличной парочкой, оба молоды, оба из фарфора и оба одинаково хрупки.

Тут же стояла и ещё одна кукла, в три раза больше их. Это был старый китаец, который кивал головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, но доказать этого, кажется, не мог. Он утверждал, что имеет над ней власть, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-комиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Вот так муж у тебя будет! — сказал старый китаец пастушке. — Я думаю даже, что он из красного дерева! Он сделает тебя обер-унтер-генерал-комиссар-сержантшей! И у него целый шкаф серебра, не говоря уже о том, что лежит в потайных ящичках!

— Я не хочу в тёмный шкаф! — сказала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жён!

— Так ты будешь двенадцатой! — отвечал китаец. — Ночью, как только в старом шкафу затрещит, мы сыграем вашу свадьбу! Да, да, не будь я китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

Пастушка плакала и смотрела на своего милого.

— Право, я попрошу тебя, — сказала она, — бежать со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться!

— Твои желания — мои! — ответил трубочист. — Пойдём

хоть сейчас! Я думаю, что смогу прокормить тебя своим ремеслом!

— Только бы нам удалось спуститься со столика! — сказала она. — Я не успокоюсь, пока мы не будем далеко-далеко отсюда!

Трубочист успокаивал её и показывал, куда лучше ступать ножкой, на какой выступ или золочёную завитушку резных ножек стола. Лестница его тоже сослужила им немалую службу; таким образом они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на

старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени далеко-далеко вытянули вперёд головы с рогами и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и закричал старому китайцу:

— Бегут! Бегут!

Беглецы испугались немножко и поскорее шмыгнули в ящик предоконного возвышения. В Дании окна бывали довольно высоко

от пола, поэтому перед одним из них устраивался иногда, для любителей смотреть на уличное движение, деревянный помост, на который ставился стул.

Тут лежали три-четыре неполные колоды карт и кукольный театр; он был кое-как установлен в тесном ящике, и на сцене шло представление. Все дамы — и бубновые, и червонные, и трефовые, и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались своими тюльпанами. Позади них стояли валеты, и у каждого было по две головы — сверху и снизу, как и у всех карт. В пьесе изображались страдания влюблённой парочки, которую разлучали. Пастушка заплакала: это была точь-в-точь их собственная история.

— Нет, я не вынесу! — сказала она трубочисту. — Уйдём отсюда!

Но, очутившись опять на полу, они увидали, что старый китаец проснулся и весь качается из

стороны в сторону — внутри его катался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — закричала пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые коленки.

— Стой, мне пришла в голову мысль! — сказал трубочист. — Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушёными душистыми травами и цветами? Влезем в неё! Там мы будем лежать на розах и лаванде, а если китаец подойдёт к нам, засыплем ему глаза солью.

— Нет, это не годится! — сказала она. — Я знаю, что старый китаец и ваза были когда-то помолвлены, а в таких случаях всегда ведь сохраняются добрые отношения! Нет, нам остаётся только пуститься по белу свету куда глаза глядят!

— А хватит ли у тебя мужества идти за мною всюду? — спросил трубочист. — Подумала ли ты, как велик мир? Подумала ли о том, что нам нельзя будет вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на неё и сказал:

— Моя дорога идёт через печную трубу! Хватит ли у тебя мужества вскарабкаться со мной в печку и пробраться по коленчатым переходам трубы? Там-то уж я знаю, что мне делать! Мы заберёмся так высоко, что нас не достанут! В самом же верху есть дыра, через неё можно выбраться на белый свет!

И он повёл её к печке.

— Как тут черно! — сказала она, но всё-таки полезла за ним в печку и в трубу, где было темно, как ночью.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал он. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звёздочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, точно указывая им дорогу. А они всё лезли и лезли, выше да выше! Дорога была ужасная. Но трубочист поддерживал пастишку и указывал, куда ей удоб-

нее и лучше ставить фарфоровые ножки. Наконец они достигли края трубы и уселись — они очень устали, и было от чего!

Небо, усеянное звёздами, было над ними, а все домовые крыши под ними. С этой высоты глазам их открывалось огромное пространство. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкою к плечу трубочиста и заплакала; слёзы катились ей на грудь и разом смыли всю позолоту с её пояса.

— Нет, это уж слишком! — сказала она. — Я не вынесу! Свет слишком велик! Ах, если бы я опять стояла на подзеркальном столике! Я не успокоюсь, пока не вернусь туда! Я пошла за тобою куда глаза глядят, теперь проводи же меня обратно, если любишь меня!

Трубочист стал её уговаривать, напоминал ей о старом китайце и об обер-унтер-генерал-комиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала и крепко целовала

своего милого. Что ему оставалось делать? Пришлось уступить, хотя и не следовало.

И вот они с большим трудом спустились по трубе обратно вниз; нелегко это было! Очутившись опять в тёмной печке, они сначала постояли несколько минут за дверцами, желая услышать, что творится в комнате. Там было

тихо, и они выглянули. Ах! На полу валялся старый китаец: он свалился со стола, собираясь пуститься за ними вдогонку, и разбился на три части; спина так вся и отлетела прочь, а голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног стоял, как всегда, на своём месте и раздумывал.